

О Грегори Бейтсоне нередко говорили как об одном из ведущих мыслителей XX столетия. В то же время за пределами областей антропологии и кибернетики он, возможно, так и остался одним из нераскрытых секретов этого столетия. Вклад Бейтсона в изучение научных проблем — таких разнообразных, как культура телесности у балийцев, эволюция и симметрия в природе, строение информации, основы шизофрении, социальная коммуникация у дельфинов — настолько сложен, что автор, взявшийся за написание научной биографии этого ученого, может оказаться перед лицом серьезных затруднений. Тем не менее в новом биографическом исследовании Питера Харриса-Джонса грамотно показана не только “систематичность” мышления ученого, просматривающаяся в его подходах к анализу всех вышеназванных проблем, волновавших науку XX в., но и дальновидность его мышления, очертившего контуры многих проблем, появившихся в науке XXI в. В монографии “Боги, перевернутые вверх ногами: мир различий Грегори Бейтсона” предпринята попытка разобраться в перипетиях творческой карьеры этого уникального в своем роде исследователя, чьи труды оказали большое влияние на самых разных представителей гуманитарной и общественно-научной мысли от Ж. Делёза до А. Гинзберга.

Отправной точкой для аргументации в данной монографии служит интерес Бейтсона к концепциям информации, которые, согласно рассуждениям автора, тот развивал и применял к собственным исследованиям в областях антропологии, психологии, биологии, экологии и кибернетики. В сущности, эти концепции часто играли попросту основополагающую роль в его исследованиях, где “информация” материализовывалась в ритуалах, социальных процессах и культурных моделях как принцип, движущий всем живым миром. Бейтсон был одной из главных фигур в знаменитых конференциях 1946–1960 гг. по кибернетике, проводившихся при поддержке Фонда Мэйси. На этих конференциях он вступал в дискуссии с пионерами кибернетики Н. Винером и У. Мак-Каллоком и пытался обосновать важность применения кибернетических теорий к исследованиям в социальных и биологических науках. Это, как подчеркивает автор, было непростой задачей, поскольку кибернетические теории и принципы базировались на слишком общих положениях, вытекающих из законов термодинамики. Даже несмотря на то, что понятия об информации были во многом аналогичными в физике и биологии, противоречий эпистемологического характера между этими дисциплинами все равно было в избытке. Постулировалось, что в механической системе элементы постепенно переходят из упорядоченного состояния в разупорядоченное и более однородное состояние, в соответствии с тем, как информация начинает рассеиваться под воздействием энтропийных процессов (пример — кубики льда, постепенно тающие в стакане воды), в то время как в биологической системе присутствуют возможности противостояния давлению энтропии, в результате чего такая система оказывается способной поддерживать свою внутреннюю структуру. С точки зрения Бейтсона, положения теории информации следовало перевернуть с ног на голову, чтобы ее можно было применить к исследованиям в социальных науках и чтобы главным предметом анализа здесь стало возникновение

Коре Стокгольм Паульсгор | <http://orcid.org/0000-0002-5791-7456> | kare.poulsgaard@sjc.ox.ac.uk | аспирант Института науки, инноваций и общества | Оксфордский университет (64 Banbury Road, Oxford, OX2 6PN, UK)

и поддержание структуры в социальных и экологических системах. В собственных исследованиях Бейтсона “кибернетика” превратилась в своего рода интерфейс между социальными, биологическими, экологическими и искусственными системами. Ему удалось развить целостную аналитическую схему, в которой был представлен единый мир взаимосвязанных и взаимозависимых значений и которая оказала такое влияние на проблематику экологических исследований, развившихся в 1960–1970-е годы. На кону, по мнению Бейтсона, стояло правильное понимание всего феномена жизни — понимание, которое он пытался оградить от воздействия инструменталистской логики, проявившей себя с худшей, если не пугающей, стороны в науке и обществе в период Второй мировой войны и первых послевоенных лет.

Параллели между возникновением кибернетики и зарождением нового экологического мышления уже были в центре внимания Харриса-Джонса в его первой книге о Бейтсоне (*Harries-Jones* 1995); в новой же книге он поставил более объемную задачу — исследовать связующие нити между теоретическими построениями Бейтсона в послевоенный период и его ранней полевой работой в предвоенные годы. Дебют Бейтсона как этнографа-полевика был связан с его поездкой на Папуа-Новую Гвинею, к народу бенинг, и был удручающим. Его информанты оказались скрытными. Бенингцам не нравилось присутствие этнографа в их среде, они отказывались отвечать на вопросы о генеалогиях и религии и придумывали хитрые предлоги, чтобы заставить Бейтсона уйти куда-нибудь из деревни как раз в тот момент, когда собирались проводить важные церемонии и ритуалы. Опыт этой полевой работы был деморализующим; тем не менее Бейтсон нашел в себе силы продолжить исследования на Папуа, переключился на изучение народа ятмул и позже по следам этих исследований написал монографию “Навен”, которая до сих пор остается одной из ключевых антропологических работ середины XX в. (*Bateson* 1958). Там же, на Папуа, состоялось знакомство Бейтсона с Маргарет Мид (в дальнейшем они поженились и проводили совместную полевую работу на о. Бали). Этнографические исследования Бейтсона данного периода очень важны с точки зрения их вклада в эпистемологические исследования антропологической практики. Действительно, книга “Навен” пошатнула устоявшиеся, ортодоксальные каноны описания полевой работы, так как в ней автор открыто заговорил о роли этнографа в процессе включенного наблюдения. Рассуждения Бейтсона о том, как взаимоотношения между наблюдателем и информантом влияют на окончательную репрезентацию описываемой культуры в антропологических монографиях, имели далеко идущие последствия (вопрос о воздействии, которое внешний наблюдатель оказывает на социальную систему, окажется в дальнейшем, в 1960–1970-х годах, одним из центральных в трудах представителей так наз. кибернетики второго порядка — в частности, Маргарет Мид, Хейнца фон Фёрстера и других).

Харрис-Джонс детально анализирует, как сложно было для Бейтсона в ранний период его работы найти отправную точку, с которой можно было бы начать научное описание культуры как целого и конкретных элементов, в которых она выражается. Чтобы продемонстрировать это, он прибегает к подробному разбору писем Бейтсона к антропологам Альфреду Рэдклифф-Брауну, Брониславу Малиновскому и психологу Фредерику Бартлету — писем, в которых одновременно звучали и просьбы о помощи, и категорические возражения и несогласия. Бейтсона в этот период, в результате этнографических наблюдений на Папуа и Бали, глубоко заинтересовал вопрос о том, как социальные модели и структуры появляются, развиваются и поддерживаются посредством ритуальных практик и рутинных практик ежедневной жизни. Он пытался прибегнуть к кибернетическим понятиям о прямой (feed-forward) связи и обратной (feedback) связи, чтобы показать, каким образом социальные процессы

контролируются и каким образом они могут выходить из-под контроля вследствие образования структур второго порядка. Харрис-Джонс считает, что теория схизмогенеза, позже развитая Бейтсоном как раз с оглядкой на материалы его исследований на Папуа и Бали, оказала непосредственное влияние на закрепление понятий о прямой и обратной связи в положениях кибернетики и, кроме того, дала концептуальную платформу, с которой можно было критиковать теорию игр, часто привлекавшуюся в то время для объяснения ситуации холодной войны и вооруженного противостояния. В 1950-е годы, когда Бейтсон обосновался в г. Пало Альто (шт. Калифорния), он вернулся к этой тематике в своих исследованиях шизофрении и в разработке экспериментальных способов терапии для пациентов, страдающих этим психическим расстройством. Линия его аргументации состояла в том, что шизофрению нельзя было понять как сугубо “индивидуальное” психическое расстройство, а следовало рассматривать как социальное явление, возникающее в процессе образования структур второго порядка (подобных тем, что были способны нарушить социальную гармонию в обществах ятмульцев и балийцев). Методики, предложенные Бейтсоном, оказались продуктивны при разработке инновационных способов применения семейной терапии к лечению шизофрении.

Ранний период полевой этнографической работы Бейтсона и более поздний период его экспериментальных исследований в области социальной психологии, действительно, менее известны, чем его труды по экологии мышления и, в частности, книга “Экология разума”. Монография Харриса-Джонса полезна именно тем, что воссоздает полную картину того, как понятия “контекст”, “информация”, “порядок” и “структура” сформировались в теоретическом языке Бейтсона и постепенно заняли центральное место в его научных построениях.

Бейтсон указывал, что если антропологи сместят основной фокус внимания с “человека” на “организм в окружающей среде”, то и понятие о “Великой цепи бытия”, пришедшее из времен Аристотеля и долго принимавшееся за данность, окажется наконец перевернутым. Если открыть дверь для допущения, что все живущие организмы, включая человека, способны существенно изменяться под влиянием экологической системы, частью которой они являются, то и красивая идея о лестнице, на вершине которой обосновался человеческий разум, а ниже расположены, в порядке убывания разумности, звери, растения и прочее, окажется малосостоятельной. Эта иерархия, долго поддерживавшаяся в науке разными инструменталистскими подходами, должна уступить место “горизонтальной” одноуровневой эпистемологии, с точки зрения которой то, что традиционно было наверху и служило объяснением всего (“ум человека”), должно само понизиться до статуса того, что требуется объяснить — наравне со всем прочим. Представляется, что эта инверсия в мышлении, предложенная Бейтсоном, очень современна, особенно в контексте сегодняшних дискуссий об антропоцене, который занимает воображение антропологов и представителей других наук о Земле как новая экологическая модель, требующая осмысления и уже наводящая на тревожные размышления.

Примечание

Автор благодарит Антропологическое общество Оксфорда (Anthropological Society of Oxford) за разрешение использовать в данной рецензии материал, прежде опубликованный как: Poulsgaard K. Inverting the Great Chain of Being: Review of Upside Down Gods: Gregory Bateson's World of Difference, by P. Harries-Jones. Journal of the Anthropological Society of Oxford. 2018. Vol. 10 (1). P. 99–102.

Научная литература

Bateson G. Naven: A Survey of the Problems Suggested by a Composite Picture of the Culture of a New Guinea Tribe Drawn from Three Points of View. Stanford: Stanford University Press, 1958.
Harries-Jones P. A Recursive Vision: Ecological Understanding and Gregory Bateson. Toronto: University of Toronto Press, 1995.

Пер. с англ. А.Л. Елфимова

Book Review

Poulsgaard, K.S. Review of *Upside Down Gods: Gregory Bateson's World of Difference*, by P. Harries-Jones. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2018, no. 6, pp. 202–205. <https://doi.org/10.31857/S086954150002460-6> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology

Kåre Stokholm Poulsgaard | <http://orcid.org/0000-0002-5791-7456> | kare.poulsgaard@sjc.ox.ac.uk | University of Oxford (64 Banbury Road, Oxford, OX2 6PN, UK)